

ПОМОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Пшенко Регина Алексеевна

аспирант, Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск
pshenkoregina@gmail.com

POMOR TRADE AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF INTERCULTURAL CONNECTIONS: A CULTURAL ANALYSIS

R. Pshenko

Summary: The article is dedicated to the study of Pomor trade as a mechanism for forming cross-border interaction between the population of Northern Russia and Northern Norway. From a cultural perspective, it examines stable personal and social contacts, analyzes the mechanisms of knowledge and practice transmission that facilitated the mutual adaptation of trade participants. For the first time, Norwegian archival materials, data from expeditions by the Federal State Budgetary Institution "Kenezersky National Park" on the Southern White Sea (2023–2024), and materials from the expedition of the State Budgetary Institution of Culture of the Arkhangelsk Region "Arkhangelsk Local History Museum" to the Summer Shore (1990) are introduced into scientific circulation.

Keywords: Pomor trade, Northern Russia, Northern Norway, Russenorsk pidgin, cultural diffusion, Russian-Norwegian relations, intercultural communication.

Аннотация: Статья посвящена изучению Поморской торговли как механизма формирования трансграничного взаимодействия между населением Севера России и Северной Норвегии. С культурологических позиций исследованы устойчивые личные и социальные контакты, проанализированы механизмы трансляции знаний и практик, способствовавшие взаимной адаптации участников торговли. Впервые введены в научный оборот норвежские архивные материалы, данные из экспедиций ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» по Южному Беломорью (2023–2024 гг.), а также материалы экспедиции ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» на Летний берег (1990 г.).

Ключевые слова: Поморская торговля, Север России, Северная Норвегия, пиджин Руссенорск, культурная диффузия, русско-норвежские отношения, межкультурная коммуникация.

Исследование Поморской торговли в разное время привлекало социологов и государственных деятелей (Н.Я. Данилевский), этнографов (Т.А. Бернштам, К.П. Гемп), историков (В.Н. Булатов, Г.Г. Фруменков, А.А. Куратов, А.В. Репневский, А.Н. Давыдов, Р.А. Давыдов, Р.В. Пересадило, Е.И. Овсянкин, А.А. Крысанов, А.А. Богомазова, В.В. Брызгалов), антропологов и религиоведов (Н.М. Теребихин) [4]; [5]; [6]; [9]; [12]; [16]. В 2011 году опубликована мореходная книга XVIII века «Река Кушерецка» с подробным описанием морского хода «из Онеги – в Норвегу» (В.Н. Матонин, Л.П. Комягина, В.В. Тропина) [15]. Норвежские документы представлены в кандидатской диссертации и статьях Т.А. Шрадер [19]. Коллективная монография «Культура русских поморов» (Э.Л. Базарова, П.Ю. Черносниотов и другие авторы) обобщила обширный исторический и этнографический материал [11], но механизм формирования культурных и экономических связей между Севером России и Северной Норвегией остается темой недостаточно изученной и спорной с точки зрения диалога культур и культурной диффузии на локальной территории. Между тем, актуальность феноменологии этнокультурного пограничья возрастает по

мере усиления интеграционных процессов в экономике. Междисциплинарный подход дает основание для широких культурологических обобщений, основанных, в частности, на зарубежных источниках, введенных в научный оборот в данной статье, и материалах полевых исследований автора 2023–2024 гг.

Взаимовыгодные международные торгово-экономические связи на Мурмане (у берегов северного побережья Кольского полуострова) начали формироваться ещё в период новгородской колонизации севера XII – XIV веков. В XVI веке вотчины «Соловецкого Дома Спаса и Николы» граничили со Швецией по реке Печенге. Соловецкий мужской монастырь, будучи крупнейшим землевладельцем на всем Русском Севере и военным форпостом Московской Руси, и воевал со «свейскими немцами», и торговал солью. Наиболее активно экономическое взаимодействие между Поморьем и Северной Норвегией осуществлялось в XVIII–XIX вв.

Рассматривая географические особенности, как один из факторов зарождения русско-норвежской торговли,

надо взять во внимание изолированность территорий Северной Норвегии и Севера России от центральных регионов. Северная Норвегия (территории Финнмарка) на протяжении долгого времени из-за рельефа местности не имела связи с южными районами государства. Кроме того, Северная Норвегия отличается суровым климатом, препятствующим сельскому хозяйству. Однако ее берега омываются теплым атлантическим течением, что благоприятно сказывалось на местной флоре и фауне. Население Северной Норвегии обеспечивало себя рыбой и морепродуктами.

Прибрежные районы Белого моря имели иные характеристики. Во-первых, Белое море – шельфовое море, мелкое и холодное, закрытое ледовым покровом на 6–7 месяцев ежегодно, что существенно влияло на добычу морских ресурсов. Во-вторых, Север России связан с южными районами государства путем рек и каналов, что обеспечивало бесперебойное снабжение зерном. К тому же, на Севере России были большие запасы качественной древесины и коры, в которых нуждалась Норвегия.

Строевой лес был необходим для судостроения. Поморы (жители берегов Белого моря) шили еловой вицей и побегими молодых деревьев дощаники, карбасы и лодьи для передвижения по морю и рекам. Опыт строительства накапливался и передавался из поколения в поколение. Традиционным герметиком были смола, деготь, тюлений жир, пенька. В отверстия набоев (бортовых досок) мастера забивали деревянные клинья. Сшитые вицей бочкообразные борта судов легко выдерживали ледовую нагрузку, что создавало благоприятные условия для поморов в условиях арктического мореплавания. За 80 лет до Витуса Беринга кочи Семёна Ивановича Дежнева прошли через пролив, разделяющий Евразию и Америку. Поморы ходили на Матку (на Новую Землю) и на Грумант (на Шпицберген).

Деревлев Лука Андреевич (1907 г.р., из деревни Сюзьма) говорил: «Редкой карбас не шил». Карбас – это основной вид транспорта для поморов, относительно небольшое судно, часто используемое для речных и прибрежных плаваний. «Длина их 18–25 футов и более, ширина менее ¼ длины, глубина внутри по борту от 2 до 3 футов. Под парусами ходят довольно легко, но не устойчивы»¹. В зависимости от предназначения изготавливались и использовались также шуны, клиперы, кочи и т.д. В от-

чёте за 1862 год говорится: «...хотя при волостях: Федоровской, Патракеевской, Майденской и деревнях: Койде, Сюзьме, Яреньге, Лопшеньге и посаде Лудском строят суда и карбасы, но в настоящем году (1862) постройки не было. И во всех сих волостях и деревнях строилось ежегодно по 1 или 2 и не более судна, а речных карбасов до 20 и более»². Отмечалось также, что «все сии суда имеют плавание в Белом море, Северном океане и по реке Двине, также ходят в Норвегию и на Новую Землю»³.

Население Северной Норвегии нуждалось в зерне, муке и древесине, а Север России нуждался в рыбе. На основании этих взаимозависимостей сформировалась русско-норвежской меновая торговля. Русские приходили к берегам Норвегии для обмена муки, зерна и древесины на сушенную и соленую рыбу и сами промышляли на Мурмане треску, зубатку, палтуса. По всему побережью южной части Кольского полуострова находились поморские становища.

Особые коррективы вносила государственная политика той и другой стороны. Для севера Норвегии XVIII в. был отмечен тяжёлым социально-экономическим положением, в отличие от юга Норвегии. В это время основной статьёй экономического благополучия для Севера Норвегии являлась рыба, её экспорт в Англию, Голландию и в другие страны. 40-е годы XVIII в. были крайне неурожайными, что стало дополнительным фактором развития Поморской торговли на территории Норвегии. Ещё отсутствовали официальные соглашения между странами, и торговля не была легализована, поэтому мука была нелегальным продуктом, но важной формой помощи норвежскому населению. Местные норвежские власти выявляли случаи контактов между русскими и норвежцами, которые зачастую носили незаконный характер, но отследить ситуацию в целом было невозможно.

В России зарождающаяся Поморская торговля была определена двумя главными импульсами. Во-первых, 1 июля 1768 года указом Екатерины Великой была разрешена вольная торговая деятельность промышленниками Архангельской губернии их продуктов — «сала, так кож морских зверей, моржового зубья и трески» на внутреннем рынке [13]. Во-вторых, в 1801 году император Александр разрешил осуществлять в России вывоз хлеба из одной губернии в другую и его свободную продажу [14].

1 Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. л. 31.

2 ГАО, ф.6, оп. 11, д.5.

3 ГАО, ф.6, оп. 11, д.7.

Со временем контакты принимали регулярный характер, выстраивалась система общения и взаимодействия, строились доверительные отношения между участниками торговли, что приводило к взаимопроникновению культур. Потребность в единой системе коммуникации привела к формированию пиджина «руссенорск», который обеспечивал общение между представителями различных языковых групп. Лингвистические адаптации происходили и в формате заимствования топонимов – географических названий, а также имен собственных. Заимствование топонимов с целью упрощения понимания систем координации, отражались в Поморских лощах и картах русских моряков. Имена собственные и их транслитерация из русского в норвежский представлена в норвежских документах, связанных с «Поморской торговлей», например, торговые книги, которые отражали обменные операции или операции купли-продажи.

Как говорилось ранее, основными товарами являлись норвежская рыба и русская мука. Стоимость товаров, их сопоставление, соотнесение их стоимости варьировалось исходя из множества переменных факторов, таких как количество русских судов, прибывших к берегам Норвегии для закупки рыбы; климатические условия конкретного рыболовного сезона; ранее созданные дружеские отношения. В отчете Архангельского краеведческого музея во время экспедиции по Летнему берегу Белого моря в 1987–1989 гг. есть указания на работу Пушкарева И., который писал, что «один пуд хлеба в Норвегии шел за 2–6 или 5–10 пудов свежей трески: по этой причине большая часть жителей поморского края почли для себя выгоднейшим вместо лова рыбы в российских водах, выменивать её на хлеб в Норвегии»⁴.

Основными видами рыбы для обмена были: палтус (нор. kveite), мольва или морская щука (нор. lange), менёк илимень (морской налим) (нор. brosme), пикша (нор. hyse), сайда (нор. coalfish), треска (нор. torsk) и зубатка (нор. steinbit) [1, p.122]. Самой ценной работой был палтус. Стоимость палтуса иногда могла приравниваться к стоимости муки. Однако такая рыба как сайда, белая рыба из семейства тресковых, могла стоить в шесть-восемь раз меньше в сопоставлении с мукой [2, p.9].

Про количественное соотношение есть информация на 1898 год, когда поморы приобрели 1001 тонну рыбы, из которых 72% было сайды (725 тонн), трески – 10 % (100 тонн), палтуса – 8.5 % (85 тонн), менька – 30 тонн, мольвы – 26 тонн, зубатки – 18 тонн, кумжи 12 тонн и 5 тонн камбалы [1, p.122].

Отличительной чертой русско-норвежской торговли было и то, что русские не сильно заботились о качестве рыбы [1, p.122]. Поэтому норвежцы могли реализовать летний улов, который не был интересен для европейского экспорта.

Для сопоставления и определения веса рыбы и муки часто использовались русские единицы измерения – «матте» и «пуд». В последствии произошло заимствование данных единиц измерения, так Кристиан Фигеншу (от нор. Christian Figenschou), крупный предприниматель севера Норвегии, часто участвовавший в сделках с русскими, использовал данные единицы измерения массы в ходе ведения дел в своей компании, о чем подтверждают архивы его компании [1, p.122].

В статье «Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og romorene» представлен анализ поселений Северной Норвегии, занимающихся русско-норвежской торговлей (Приложение 1 – карта). Из анализа видно, что разные поселения отличались по своему функционалу. Так, в местечко Бюройсунд (от нор. Burøysund) первая русская шхуна прибыла в 1841 году, хотя торговля тут была разрешена уже в 1839 году. После этого шхуны приходили ежегодно по два раза в год, с 1878 года все чаще приходили три шхуны, с 1891 по четыре шхуны, а в 1896 году уже пять. С 1878 года в Буройсунде (от нор. Burøysund) торговля была ежегодным летним явлением под управлением компании Dreyer [1, p.122]. Торсвог (от нор. Torsvåg) – одно из центральных мест торговли. Эта территория особенно хорошо подходила для ловли сайды (нор. coalfish), которая как результат и обменивалась тут. Первая русская шхуна на этой территории была зарегистрирована в 1874 году. С 1880 года суда приходили ежегодно, в 1886 году было уже четыре шхуны в год, в 1894 году – шесть. Самое большое количество прибыло в 1909 году, тогда пришло восемнадцать судов. С 1916 по 1919 года замечено значительное снижение торговой активности [1, p.122]. Поселение Карлсой (от нор. Karlsøy) не чувствовало в активной торговле, корабли приходили сюда не часто, однако на протяжении нескольких лет здесь проживал помор, который заготавливал и засаливал рыбу, а далее перепродавал перевозил её в Хельгой (от нор. Helgøy) для дальнейшей продажи [1, p.118]. В тот момент как в самом поселении Хельгой (от нор. Helgøy) с 1885 года началась обширная торговля. Например, в период с 1885 по 1888 год ежегодно прибывало от трёх до семи шхун [1, p.118].

С другой стороны обмена была русская ражаная мука,

4 Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. л. 31-32.

пшеница, овёс и другие зерновые культуры. Строчки из книги «Knudsens Karlsøvisе» подтверждают регулярность поставок русской муки на Север Норвегии в 1840-х годах:

«Der man bager alt sit Brød,
endog Hellekager,
af det Mel som dertil flød,
bragt fra Ruslands Lager» [1, p.117].

Данные строчки можно перевести следующим образом:

«Где выпекают весь свой хлеб,
даже хелекакер (название плоского бездрожжевого
вида хлеба)
вся мука, что там есть
Привезена со складов России».

Эти строчки из книги «Knudsens Karlsøvisе», подтверждают, что поставки муки из России 1840-х годах были стабильными [1, p.117].

Помимо муки, из России везли древесину для строительства, кору (в том числе бересту), масло, деготь, мясо, верёвки, чай, сладости, а также предметы декоративно-прикладного искусства. Так как контакты были регулярными, между русскими шкиперами и норвежскими купцами и рыбаками нередко складывались дружеские отношения, поэтому некоторые из предметов декоративно-прикладного искусства привозились в качестве подарка, а не на продажу. В частности, один из музеев в Тромсё (Perspektivet Museum) перенял у двух закрытых местных музеев интересную коллекцию предметов поморского периода. Коллекция в основном содержит подарки поморов своим деловым партнерам в Тромсё. Среди предметов: столовые приборы, деревянная кухонная утварь, шкатулки из кости и моржового клыка, вязанные мешки для перевозки муки, самовары и «russehåndklær» (расшитые полотенца – рушники) [3]. Поморы привозили из Норвегии посуду, а у русских плотников пользовался большим спросом норвежский плоский топор, который называли «плитка». Кроме того, в Норвегии поморы приобретали рыболовные крючки для ловли рыбы «ярусам», распространенной на Мурмане в летнее время.

Сведения из летних экспедиций 2023 и 2024 года (территория Южного Беломорья – Лопшеньга, Летняя Золотица, Пурнема, Уна и Луда), которые прошли совместно с ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», а также экспедиции Архангельского краеведческого музея на Лет-

ний берег в 1990 году, показывают, что поморы везли с собой столярные инструменты, рыбий жир («в глиняных бутылках»); посуду («папа... до смерти пил из «норвежской чашки»... из Норвегии привез, все берег ее»), предметы одежды и обувь «норвецку» («привозили хорошие норвежские свитера с якорьками, никогда не линяли», «из Норвегии детям по вязанке привез», «дядя маме из Норвегии ботиночки норвежские привез»). (Цитаты из рассказов жителей Летнего берега в ходе экспедиции Архангельского краеведческого музея: Майзерова С.М. 1911 г. д. Логшеньга, Комакова М.В., 1899 г. урож. Луды, Майзерова А.П. д. Уна, Шестакова О.В. д. Солза, Кузьмина У.С. д. Созьма)⁵. Также есть указание, что из Норвегии привозили точильные камни, ружья, топоры, норвежские канаты, веревки, парусное полотно⁶.

Тот факт, что из Норвегии привозили инструменты (топоры, лопаты, уровни и т.д.) подтвердился в ходе экспедиции 2023 года в д. Летняя Золотица и д. Лопшеньга и экспедиции 2024 года в д. Луда, д. Уна и д. Пурнема. Так, Пётр Засимович Майзеров (1937 г.р., д. Лопшеньга) говорил: «С Норвегии у нас тут водились уровни ...косяки то строить, и напарья, которыми дырки сверлят. Это было норвежское. Уровень то где-то есть».

Петров Александр Филиппович (д. Лопшеньга) рассказал о своем деде – Якове Ивановиче Петрове (1894 г.р.). Он упоминал: «Он (Яков Иванович Петров) в Норвегию ходил. Потому что он строительством занимался, у него были напарьи норвежские, уровни норвежские, потом... тогда же не было дрелей, были перки норвежские... для сверления отверстий. Я знаю, что они туда возили сало. Здесь было две шхуны. Одна ...такие были Поздейские, а вторые были Майзерские».

В интервью Петров Александр Филиппович упомянул также о норвежских парусах. Он сказал: «я знаю, что они у норвежцев брали касы паруса. От них сюда пошли касы паруса. Парус то у нас ещё был». Как предполагается, что поморы привозили паруса, однако из-за особенностей материала, тканевые паруса не сохранились до настоящего момента.

Интеграция норвежских предметов в поморскую жизнь приводила к культурным трансформациям. Так, особое место заслуживают ремесленные изделия: одежда ручной работы, вязанные вещи. В одном из рассказов Бориса Шергина описана сцена, которая происходит во время Архангельской ярмарки: «Множество поморов

5 Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. л. 39.

6 Там же., л. 35-41.

заезжало в Архангельск на сентябрьскую ярмарку. У города столько было кораблей, что воды не видно. Зуйки гуляют по архангельским улицам нарядные, в узорных вязаных рубашках или синих матросках с шейными платками». Там же приведена частушка, указывающая на происхождение воротничков:

«Экипажецка рубашка,
норвецкой вороток,
норвецкой вороток,
Окол щеечки платок,
Словно розовый цветок»

[Цит. по: 19, с.261]; [18, с.50].

Таким образом, тот самый «норвецкий вороток» являлся привозным элементом одежды, ставшим играть важное значение в поморской моде того времени. Норвежские предметы одежды и норвежские ткани часто привозились из Норвегии в ходе товарообмена. В работе Т.А. Бернштам «Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.» указывается на то, что Поморы повсеместно шили одежду сами, но ткани использовали покупные: «...из покупных тканей, приобретаемых на ярмарках, у приезжих купцов, торговцев, корабейников (в том числе финов, карел) или за границей, в Норвегии» [5, с.43].

Были и элементы норвежской традиционной одежды, которые «укоренились» в поморской культуре. Так, вязаная мужская рубаша дополняла будничные гардероб Помора. Их вязали сами и, в некоторых случаях, привозили из Норвегии. В Поморье вязаные рубашки бытовали повсеместно и были известны соседнему неславянскому поселению – карелам и саамам. Предположение о том, что первые образцы вязаных рубаш попали на Русский Север из Норвегии, обосновывается в первую очередь временем их происхождения – на территории Норвегии первые образцы рубаш относятся к концу XVIII в., в то время как в России они появляются позже – конец XIX – начало XX в. Второй важной причиной является тесное взаимодействие и товарообмен Севера России того времени и Скандинавских стран в момент появления данного вида одежды в Поморье. И третьей, наиболее веской причиной, является схожесть покрой рубаш. Покрой старинной вязаной рубашки, как русской, так и норвежской (вязанные на спицах): они связаны вкруговую, цельными, швы сделаны лишь на плечах и вверху рукава до середины проймы. Рукава длинные, ворот невысокий. Рубашки являлись элементом не только будничного, но и праздничного гардероба. Доказательством данной гипотезы служить фотография из собрания музея этнографии Норвегии, которая сделана на территории России (При-

ложение 2). Ниже фотографии приведён поясняющий текст на норвежском языке, его перевод: «праздничная мужская одежда ручной работы, являющаяся традиционной в Унском посаде».

Поморская торговля представляла собой не только экономическое явление, задействуя социальные и культурные сферы, оказывало влияние на культуру и развитие населения территорий Северной Норвегии и Севера России. Она была обусловлена географическими особенностями, что в свою очередь выразилось во взаимных семеричных экономических потребностях. Развитие судостроения, доступные материалы, а также накопленный эмпирический опыт содействовал развитию торговых связей.

Регулярные контакты, дружеские отношения между купцами, рыбаками и поморами приводили к формированию явления культурной диффузии или обмена культурными традициями, включая и материальные объекты: бытовые и ремесленные, предметы декоративно-прикладного искусства, одежды. Примером нематериального наследия, который стал общей чертой русско-норвежской торговли, стал пиджик «руссенорск» или русско-норвежский пиджик.

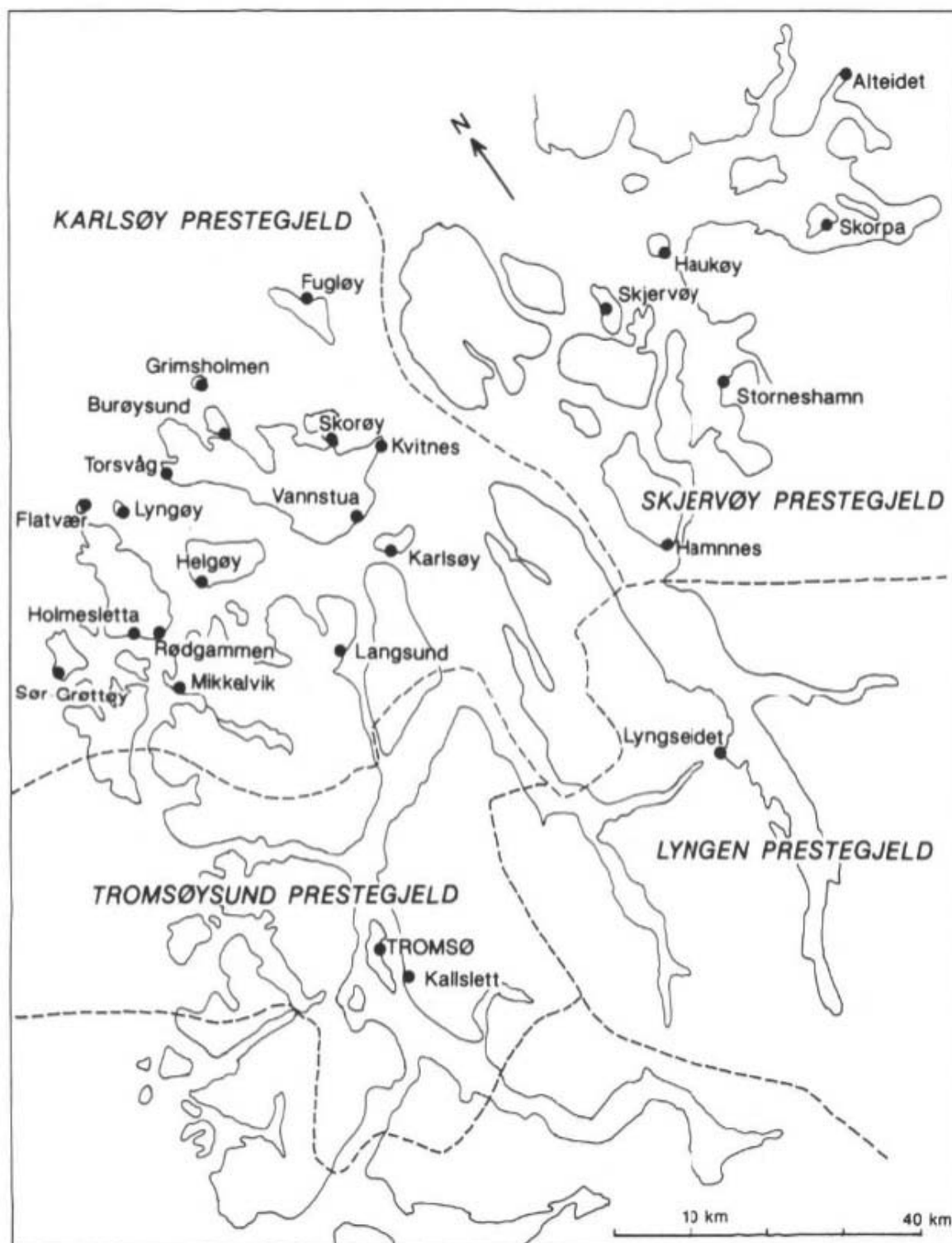
Государственная политика оказывала как поддерживающее, так и ограничивающее влияние, то содействуя, то препятствуя русско-норвежской торговле. Однако значение данного явления для той и другой стороны было достаточно велико, поэтому, проходя через различные этапы, поморская торговля продолжала развиваться вплоть до 20-х годов XX в.

Так, помимо экономического значения поморская торговля оказывала серьезное трансформационное воздействие как на поморскую, так и на норвежскую культуры. Поморы перенимали элементы норвежской одежды и моды, пользовались бытовыми предметами и инструментами, привезенными из Норвегии. В свою очередь норвежцы заимствовали у поморов традиции чаепития, названия явлений и предметов, а также отдельные технологические решения.

Таким образом, Поморская торговля стала важным историческим фактором, определившим развитие международных русско-норвежских отношений, а также межкультурной коммуникации населения Северной Норвегии и Севера России. Результатом русско-норвежской торговли стали значительные изменения в формировании культурного наследия северных народов.

Приложение 1.

Карта-схема поселений, где останавливались поморы. Источник: Bratrein H.D. Trofanoff og Gamle Kopeka.
 Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo:
 Gyldendal Norsk Forlag. 1992. P. 117-128.

Pomorhavner i Nord-Troms.

Фотография помора в норвежской рубахе из собрания музея этнографии Норвегии.
Ниже фотографии текст: «праздничная мужская одежда ручной работы, являющаяся традиционной в Унском посаде».

Nog måste det ha varit en fintröja en gång, denna lagade prakttröja som mannen från Unskijposad har på sig.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bratrein H.D. Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo : Gyldendal Norsk Forlag, 1992. P. 117-128.
2. Thuen T. Two Epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry // Tromsø: Acta Borealia. 1993. №10(2). P. 3-18.
3. Tromsø – Nordvest-Russland // Perspektivet Museum. URL: <https://perspektivet.no/samlinger/tromso-nordvest-russland/>
4. Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М.: ОГИ, 2009. 428 с.
5. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этнографические очерки. Ленинград: Наука, 1983. 234 с.
6. Богомазова А.А. Флот Соловецкого монастыря в XVI – начале XVIII века. СПб.: РАН, 2024. 592 с.
7. ГАО, ф.6, оп. 11, д.5.
8. ГАО, ф.6, оп. 11, д.7.

9. Гемп К.П. Сказ о Беломорье. М.: ТСМ, 2021. 304 с.
10. Зарецкая О.В., Шагин М.С. Становление и трансформация торговых связей поморов с жителями Северной Норвегии к концу XIX века // История и культура Русского Севера и Арктики. Сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых. – Архангельск, 2018. С. 74–80.
11. Культура русских поморов. Историко-культурологический анализ // В.В. Ануфриев, Э.Л. Базарова, Н.В. Бицадзе и др. М. : ФОРУМ; Неолит, 2013. 320 с.
12. Матонин В.Н. «Наше море – наше поле» Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск: САФУ, 2013. 334 с.
13. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 18. 1767—1769. СПб., 1830. № 13141. 1 июля 1768 года. Именной, данный Сенату. Об отдаче промыслов сального, кож морских зверей, моржового и рыбы трески на вольный промысел Архангелогородской губернии обывателям. С. 695—696.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 26. 1800—1801. СПб., 1830. № 19803. 24 марта 1801. Именной, данный Сенату. Об отмене запрещения на вывоз за границу хлеба и вина. С. 597.
15. Река Кушерецка. Мореходная книга XVIII века (историко-культурный контекст, материалы, исследования // Матонин В.Н., научная редакция; Л.П. Комягина – палеографический анализ; В.В. Тропина – подготовка текста. Архангельск: ТСМ, 2011. 319 с.
16. Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. 275 с.
17. Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. 62 л.
18. Шегрин Б. Повести и рассказы. Ленинград, 1984. – 78 с.
19. Шрадер Т.А. С торгов в Норвегу: (поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Скандинавские чтения; Санкт-Петербург, 2008. С. 256–273.

© Пшенко Регина Алексеевна (pshenkoregina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»